

одного класса, расходившиеся лишь в выборе тактики. Перед угрозой революции (на мысль о ней и того и другого наводили, в частности, недавние события Парижской коммуны) два представителя дворянской верхушки взялись за перья, чтобы выяснить вопрос, какая же политика обеспечит монархии и дворянству более надежное будущее. И здесь их представления разошлись.

С. Н. ПОТОЛОВ

**УКАЗ 2 ДЕКАБРЯ 1905 г.
(опыт источниковедческого анализа)**

В истории трудового законодательства царизма, его политики по рабочему вопросу в капиталистическую эпоху указу, подписанному Николаем II в Царском Селе 2 декабря 1905 г., принадлежит примечательное место. Этот документ с весьма громоздким и неуклюжим названием¹ появился в период высшего подъема революции 1905—1907 гг. и был нацелен против массовых политических стачек рабочего класса — ведущей силы революционного движения в России. В этом качестве он хорошо известен в нашей литературе, и на него постоянно ссылаются при характеристике карательных мер царизма против революции. Имеется и подробный его разбор, по преимуществу догматический, в специальной юридической литературе.² Но с указом 2 декабря 1905 г. связывают и формальную легализацию экономических стачек в России, причем иногда этот царский указ как бы раздваивается, на него в разных местах порой одной и той же работы ссылаются как на разные документы.³ Происходит это далеко не случайно. Действительно, упоминание об отмене двух статей (1358 и 1358¹) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, составляющее всего несколько строчек в достаточно пространным тексте указа — и тем не менее самостоятельный, второй, его раздел (всего в нем было три раздела), выглядит совершенно инородным телом в этом документе, глубоко противоречащим его основному, репрессивному, карательному смыслу. Но все станет на свои места, если произвести источниковедческий анализ указа, выяснить основные обстоятельства его выработки и предысторию.

¹ «Именной высочайший указ о временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участие в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия».

² Полянский Н. Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. — Учен. зап. Моск. ун-та, Юрид. фак., 1909, вып. 35, с. 249—261, 300—362; Шелыга И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. М., 1952, с. 171—176.

³ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1973, т. 14, стб. 938 (ст. «Фабрично-заводское законодательство в России»); Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972, с. 178, 180.

Общезвестно, что вплоть до первой русской революции рабочий класс России был совершенно политически бесправен, и это особенно наглядно проявлялось в уголовном преследовании участников экономических стачек на фабриках и заводах, запрете любых рабочих организаций. Этот карательный, репрессивный курс царизма составлял важную составную часть всей его рабочей политики.⁴ Собственно, и осуществлением ограниченного фабричного законодательства, буржуазного в своей основе, другими мерами казенного «попечения» о рабочих преследовались те же охранительные цели — помешать дальнейшему разворачиванию стачечного движения российского пролетариата. Не случайно одновременно с изданием после Морозовской стачки 1885 г. Закона 3 июня 1886 г., главного и наиболее крупного из всех дореволюционных фабрично-заводских законов, определявшего взаимоотношения рабочих и предпринимателей, действовавшая в составе принятого еще до отмены крепостного права, в 1845 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных статья 1358 (в редакции 1885 г.), предусматривавшая «за стачку (т. е. только за соглашение, уговор, — *С. II.*) между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения условленного с содержателем сих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой платы», — арест «зачинщиков» на срок от трех недель до трех месяцев, а для остальных — от семи дней до трех недель, — была дополнена тремя новыми статьями (1358¹⁻³), значительно усилившими уголовную ответственность по суду участников стачечных выступлений на заводах и фабриках.⁵ Одновременно, в том же 1886 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (один из судебных уставов 1864 г.), был пополнен новой статьей 51⁴, предусматривающей арест на срок до месяца, в случае индивидуального отказа от работы без установленного законом предупреждения за две недели, т. е. даже при отсутствии стачечного выступления. И все это происходило в то время, когда в западноевропейских странах уголовное преследование участников рабочего движения почти повсеместно было отменено.

Однако карательные статьи русского уголовного права, ставившие стачки рабочих фактически вне закона, были не только

⁴ См.: Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России..., с. 67—75, 117—138.

⁵ Статья 1358¹ карала участников сугубо экономических стачек («с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к возвышению заработной платы или изменения других условий найма») тюремным заключением от 2 до 4 месяцев, а «подстрекавших к начатию или продолжению стачки» — от 4 до 8 месяцев. Еще более суровые наказания предусматривались для участников (от 4 до 8 месяцев тюрьмы) и руководителей (от 8 месяцев до 1 года 4 мес.) так называемых «квалифицированных стачек»: в случае повреждения или уничтожения ими в ходе стачки заводского и фабричного имущества (ст. 1358²), а также если они принуждали «других рабочих посредством насилия или угроз прекратить работу или не возобновлять прекращенную» (ст. 1358³); см.: Полянский Н. П. Коалиции рабочих..., с. 235—237.

историческим анахронизмом, отражавшим архаичность и отсталость всех политических институтов самодержавного строя, — они также оказались и трудноосуществимыми на практике. Ибо несмотря на все юридические запреты и ограничения, рабочее движение в России неуклонно росло и ширилось, и невозможно, да и обременительно было привлекать к ответственности всех его участников, в этом не были заинтересованы и сами предприниматели. Поэтому на деле господствовали внесудебные формы подавления рабочих выступлений, основанные на полицейском произволе, употреблении (а точнее — злоупотреблении) всех мер административного воздействия — от телесных наказаний до использования войск.

Правительственную политику в отношении рабочего движения на рубеже XIX—XX вв., ее репрессивную сущность определяли секретные циркуляры, исходившие главным образом от Министерства внутренних дел, (наиболее известным из них был откровенно антистачечный циркуляр министра внутренних дел И. Л. Горемыкина от 12 марта 1897 г.), а также Положения об усиленной и чрезвычайной охране 1881 г., руководствуясь которыми, власти на местах, полиция жестоко подавляли всякое проявление пролетарского протеста, арестовывая и высылая без суда и следствия рабочих активистов. Особенно усилились репрессии властей против рабочих в конце 1890-х годов, когда в декабре 1897 г. между Министерством внутренних дел и Министерством юстиции была достигнута, в развитие горемыкинского циркуляра, договоренность о преимущественном применении против стачечников административно-полицейских мер на основе охранных положений, действовавших на рубеже XIX—XX вв. в основных промышленных губерниях России.

Такое откровенное вмешательство полиции и других органов Министерства внутренних дел в неподведомственную им промышленно-финансовую сферу, практикуемые ими на рубеже XIX—XX вв. методы «полицейского социализма», зубатовщина вызывали недовольство промышленников и непрекращающиеся конфликты с фабричной инспекцией на местах, а в самом правительстве — серьезные трения между руководством Министерств внутренних дел и финансов. Отнюдь не отказываясь от решительной борьбы с рабочим движением, Министерство финансов и его тогдашний глава С. Ю. Витте в то же время выступали против откровенного вмешательства местных властей в экономические конфликты между предпринимателями и рабочими, подчинения фабричной инспекции полицейским органам, за дальнейшее развитие фабричного законодательства, т. е. за более буржуазные методы решения рабочего вопроса.

С этих позиций Министерство финансов и выступило в начале 1902 г. с собственным проектом отмены уголовного преследования участников экономических стачек, их легализации, разрешения рабочим организовывать разного рода кассы, общества самопомощи и просветительные организации, беспрепятственно прово-

дить на заводах и фабриках собрания для обсуждения своих нужд, избирать из своей среды выборных представителей для сношений с администрацией на предприятиях и фабричными инспекторами. Подобные предложения содержались в специальной записке «О пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи», которая в литературе обычно фигурирует как «записка Витте».⁶ Основная часть проекта не была тогда реализована, единственным его отголоском был весьма ограниченный, имевший сугубо охранительные функции закон 10 июня 1903 г. о фабричных старостах, оказавшийся в итоге мертворожденным из-за бойкота со стороны рабочих и большинства промышленников. К тому же последовавшая вскоре, в августе 1903 г., отставка Витте с поста министра финансов вообще прекратила дальнейшую разработку фабрично-заводского законодательства.

Что же касается рабочего движения, оно по-прежнему оставалось вне закона. Утвержденное Николаем II 22 марта 1903 г. новое Уголовное уложение не только сохраняло судебное преследование участников стачечного движения, но и распространило его на все категории наемного труда (прежние уголовные законы предусматривали наказания лишь для рабочих, занятых на предприятиях, находившихся под надзором фабричной инспекции). Однако, как это часто случалось в царской России, Уголовное уложение 1903 г. было сочтено слишком либеральным и в действие были введены в 1904—1905 гг. лишь отдельные его статьи, относящиеся к государственным и религиозным преступлениям, в остальных случаях по-прежнему действовали архаичные уголовные законы. А в борьбе с рабочим движением, как и раньше, преобладали методы внесудебной полицейской расправы.

Лишь начавшаяся русская революция, могучее забастовочное движение российского пролетариата после «кровавого воскресенья» утвердили, фактически явочным порядком, стачку в ее правах. Уже в январе 1905 г. спешно была извлечена записка Астафьева и в несколько подновленном виде вместе с другими правительственными проектами по рабочему вопросу была представлена на обсуждение промышленников в комиссии под председательством министра финансов В. Н. Коковцова. Единодушно выступив против каких-либо экономических уступок рабочим, промышленники сорвали тогда работу комиссии. Что же касается вопроса о стачках, то на словах не возражая против их легализации, промышленная буржуазия на деле налаживает через свои предпринимательские организации единый фронт антизабастовочной борьбы (заключение специальных конвенций), становится на путь локаутов, требуя от правительства ликвидации каких-либо в этом отношении ограничений: отмены двухнедельного

⁶ Ее автором был, как нам удалось установить, фабричный ревизор, а затем фабричный инспектор Московского округа А. С. Астафьев.

предупредительного срока и предоставления таким образом предпринимателям права немедленного увольнения стачечников без выплаты денежной компенсации, положенной им по закону 1886 г. в случае досрочного, без предупреждения, расторжения договора о найме.⁷

Поставив на повестку дня вопрос об отмене уголовного преследования участников рабочего движения, правительство, оказавшееся бессильным справиться мерами административно-полицейского характера с нараставшей революцией, вынуждено было в апреле 1905 г. отменить горемыкинский циркуляр 1897 г.; было также организовано Особое совещание под председательством А. П. Игнатьева для пересмотра Положений 1881 г. об охране. Со своей стороны Министерство юстиции во главе с С. С. Манухиным, явно обеспокоенное после отмены горемыкинского циркуляра, перспективой массового судебного преследования стачечников, добилось, несмотря на возражения Министерства внутренних дел (в лице товарища министра Д. Ф. Трепова),⁸ решения Комитета министров, одобренного 4 августа 1905 г. царем, о временном приостановлении, до окончательного разрешения в законодательном порядке, действия основных антистаечных статей уголовного законодательства (исключая «квалифицированные стачки»): 1358, 1358¹ и 514.⁹

Но ни жестокие репрессии, ни обещания реформ, в том числе — созыва законосовещательной (булыгинской) думы, не смогли остановить дальнейшего развития революционного, общедемократического движения в стране, в авангарде которого шел рабочий класс России. Стачки московских и петербургских рабочих переросли в октябре 1905 г. сначала во всеобщую стачку железнодорожников, а затем и во Всероссийскую политическую стачку, в которой впервые активное участие принимает до полумиллиона представителей городских демократических слоев, включая служащих государственных учреждений, низших казенных чиновников.

Оказавшись не в состоянии подавить революционное движение в условиях сложившегося в это время равновесия сил революции и контрреволюции,¹⁰ царизм вынужден был пойти на уступки, обещав в манифесте 17 октября политические свободы и созыв законодательной думы. Инициатор этих уступок С. Ю. Витте, поставленный 19 октября царем во главе реорганизованного Совета министров, надеялся таким образом повернуть вспять революционное движение. Но если разброд и шатания в среде либеральной буржуазии усилились и она окончательно перешла на

⁷ См.: Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г. / Сост. и автор предисл. Б. А. Романов. М., 1926. I—XIX+281 с.

⁸ Д. Ф. Трепов — С. С. Манухину, 9 июня 1905 г. — ЦГАОР СССР, ф. ДП, 6 д-во, 1905, д. 4, ч. 6, л. 7.

⁹ См.: Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. Сб. докл. / Под ред. А. К. Дрезена. М., 1936, с. 96—99.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Первая победа революции. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 28.

контрреволюционные позиции, то рабочий класс продолжал героическую борьбу с самодержавием и буржуазией, увлекая за собой крестьянство, городские низы, солдат и матросов. Всего лишь через 2 недели после издания царского манифеста в Петербурге разразилась новая всеобщая политическая забастовка в поддержку восставших в Кронштадте солдат и матросов и с требованием отмены военного положения в Польше, а возникший в середине октября 1905 г. в столице Совет рабочих депутатов представлял весомый противовес царскому правительству.

Прекрасно понимая, что его собственная политическая карьера всецело зависит от успехов правительства в подавлении революции, Витте в первые месяцы своей деятельности на посту председателя Совета министров предпринимал лихорадочные усилия по собиранию контрреволюционных сил, причем в борьбе с массовым демократическим, рабочим движением Витте использовались не только войска и карательные экспедиции, но и различного рода принятые в спешном порядке «Временные правила» о печати, забастовках, союзах и т. п. Созданные на временной основе, до выработки будущей Государственной думой соответствующих постоянных законов, и формально призванные устранить прежний административный произвол, реализовать обещанные царем свободы, они фактически серьезно ограничили свободу печати, реальные права создаваемых профессиональных союзов, были направлены против массовых политических стачек и в таком качестве сохраняют свою силу и будут определять важнейшие нормы жизни русского общества вплоть до крушения царской монархии.

Разработка антистачечного закона была одним из первых мероприятий Витте и его кабинета министров. Ирония судьбы! Витте, с именем которого еще совсем недавно связывали либеральный проект легализации стачек и рабочих организаций в России, теперь лично и весьма деятельно руководит срочной разработкой новых ограничительных, репрессивных по преимуществу, юридических норм против них.

2 ноября 1905 г., в тот самый день, когда в Петербурге началась новая всеобщая политическая забастовка, в которой, как и в дни Всероссийской Октябрьской стачки, активное участие принимают снова железнодорожники, Витте направляет краткую записку своему давнему консультанту по юридическим вопросам члену Государственного совета Н. С. Таганцеву, в которой запрашивает мнение этого известного правоведа, крупнейшего специалиста в области уголовного права, одного из авторов нового Уголовного уложения, о мерах, которые следует предпринять против ширившегося в стране стачечного движения, участия в нем государственных служащих. Витте, в частности, поставил перед Таганцевым вопрос: «Не следует ли принять исключительные и суровые меры по отношению лиц, инициаторов, и террором и равно силою заставляющих бастовать такие предприятия, которые имеют государственное значение или нарушение коих имели

последствием общественное бедствие. Возможно ли ввести экстренно строго карательные меры и применять их судебным ускоренным порядком?».¹¹

Таганцев не замедлил с ответом, и уже 4 ноября Витте получил от него обстоятельное письмо. Отвечая на основной вопрос Витте об антистачечных мерах, Таганцев подчеркнул прежде всего преимущественно политический характер стачек последнего времени, которые он, в отличие от экономических стачек, считал необходимым признать уголовно наказуемыми, с привлечением к судебной ответственности «их руководителей и подстрекателей, а в особенности повременные издания и сообщества или союзы, имеющие целью устройство таковых». Вместе с тем Таганцев высказался против издания «каких-либо исключительных, ad hoc (для этого, — С. П.) принимаемых судопроизводственных правил», считая вполне достаточным дополнение соответствующих статей действующих уголовных законов новыми к ним частями, предусматривающими уголовную ответственность за стачки с политическими целями на предприятиях, «прекращение деятельности которых угрожает безопасности государства или создает возможность народного бедствия в целом государстве или в отдельных местностях или в отдельном городе».¹²

Получив ответ Таганцева, Витте сразу же пишет министру юстиции С. С. Манухину: «Я нахожу невозможным оставаться в настоящем положении по отношению стачек. Приходится прибегать к мерам административным — по недостаточности уголовных законов. Мне представляется необходимым *теперь* же особым указом пополнить брешь уголовных законов *сообразно* теперешним *критическим* обстоятельствам. Усердно прошу Вас приказать заготовить проект такого указа и внести его *немедленно* в Совет».¹³ Хотя Витте и приложил к своему письму мнение Таганцева, он, как совершенно очевидно, не принял его основной рекомендации, предпочтя в выработке новых и определенно антистачечных юридических норм испытанный в самодержавной России путь чрезвычайно-указного законодательства.

Манухин весьма оперативно выполнил указание Витте, и уже 8 ноября из Министерства юстиции в Совет министров был направлен проект царского указа правительствующему сенату, содержащего ряд карательных, антистачечных статей, и объяснительная к нему записка. В этой записке констатировалось, что «за последнее время стачки рабочих на предприятиях, прекращение деятельности которых угрожает безопасности государства или создает возможность народного бедствия, сошли с экономической почвы борьбы труда с капиталом и сделались по преиму-

ществу боевым средством для достижения определенных политических целей». Считая, как и Таганцев, что «подобного рода стачки... не могут быть признаны ненаказуемыми», Министерство юстиции воздержалось, однако, от их публичной квалификации как политических, оно предпочло максимально завуалировать их антисамодержавный характер, подведя под столь же широкую, сколь и неопределенную, дающую возможность самых произвольных толкований, виттевскую формулу угрозы безопасности государства или общественного бедствия.¹⁴

Проект указа предусматривал, в частности, уголовную ответственность для всех служащих «на железных дорогах, на телеграфе или на телефоне общего пользования, по освещению или водоснабжению городов и иных населенных мест или вообще в таком предприятии, прекращение деятельности коего угрожает государственной безопасности государства или создает возможность общественного бедствия». Виновные «в самовольном, по соглашению между собою, прекращении работ» должны были наказываться тюремным заключением от 2 до 8 месяцев (ст. 1), а «виновные в подстрекательстве» — от 8 месяцев до 2 лет (ст. 2). Две статьи впервые специально были адресованы «лицам, состоящим на государственной и общественной службе». Для них устанавливались повышенные наказания: участникам стачек — тюремное заключение от 8 мес. до 1 года 4 мес. (ст. 4), а «подстрекателям» — от 1 года 4 мес. до 2 лет, причем последние подлежали осуждению от 8 мес. до 1 года 4 мес. даже в том случае, если стачка не состоялась (ст. 5). Наконец, в развитие введенной в действие в июне 1905 г. ст. 125³ Уголовного уложения 1903 г. и аналогичной ей ст. 318 Уложения о наказаниях, проект Министерства юстиции предлагал установить усиленную уголовную ответственность: заключение в крепости от 1 года 4 мес. до 4 лет — для виновных «в участии в сообществе», занимающихся возбуждением вышеуказанных забастовок (ст. 3). Всего проект указа первоначально содержал 7 статей (последние две определяли порядок судопроизводства, рассмотрения дел в окружных судах).¹⁵

В тот же день, 8 ноября, управляющий делами Комитета министров Э. Ю. Нольде, который на первых порах функционирования Совета Министров одновременно вел и его дела, разослал по личному указанию Витте министрам и привлеченным в качестве экспертов по юридическим вопросам членам Государственного совета Н. С. Таганцеву и Э. В. Фришу другие материалы к назначенному на 11 ноября рассмотрению в Совете министров вопроса об антистачечных мерах. Это были две записки бывшего министра путей сообщения М. И. Хилкова (от 26 октября) и ряд к ним приложений, содержащие предложения железнодорожного ведомства (разрабатывавшиеся в нем еще с 1902 г.) об улучше-

¹¹ С. Ю. Витте — Н. С. Таганцеву, 2 ноября 1905 г. — ОРПРК ГПБ, ф. 760 (Н. С. Таганцев).

¹² Н. С. Таганцев — С. Ю. Витте, 4 ноября 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 76, л. 1—3.

¹³ С. Ю. Витте — С. С. Манухину, 5 ноября 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 543, д. 1261, л. 96.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 543, д. 1261, л. 45—46.

¹⁵ Там же, л. 43—44.

пии материальных и бытовых условий рабочих и служащих казенных железных дорог (повышение минимальных денежных окладов, увеличение оплаты сверхурочных работ, введение двухнедельных оплачиваемых отпусков, улучшение медицинской помощи, пенсионного обеспечения и т. п.). Включая в повестку дня Совета министров вопрос «об улучшении быта низших железнодорожных и рабочих» наряду с антистачечными мероприятиями, главным своим острием направленный против тех же железнодорожников, Витте явно стремился подсластить горькую для них пилюлю.

Одновременно среди членов кабинета министров были распространены «дополнительные предложения по вопросу о стачках, составленные по распоряжению председателя Совета министров», определявшие порядок вознаграждения рабочих и служащих, а также членов их семей, «коп пострадали от насилий, произведенных над ними за противодействие забастовке или за отказ от участия в ней». Эти правила, предусматривавшие денежные пособия и пенсии в случае частичной или полной утраты трудоспособности и в случае смерти тех немногочисленных прислужников заводчиков и местных властей, которых основная масса рабочих всегда презирала за вольное или невольное штрейкбрехерство, полностью копировали аналогичные правила, утвержденные царем 20 мая 1905 г. по представлению Д. Ф. Трепова и предусматривавшие вознаграждение чинов полиции и членов их семей, пострадавших в революции.¹⁶ Этой своей личной инициативой Витте совершенно недвусмысленно расшаркивался перед царем и придворной камарильей, в которой Тренов был теперь на первых ролях в качестве всевильного и влиятельного дворцового коменданта, ближайшего советчика Николая II.

И, наконец, уже в день заседания Совета министров, 11 ноября, его участникам были переданы еще два документа. Первый из них, анонимная «Записка по вопросу о современных общих забастовках железнодорожных служащих», датированная 9 ноября, исходила явно из либерально настроенных кругов высшего железнодорожного чиновничества, возможно, из окружения близкого к Витте нового министра путей сообщения К. С. Немешаева. В пользу этого свидетельствовало славословие «Записки» в адрес манифеста 17 октября и проводимых «твердо и неуклонно» под руководством Витте общих мер «к умиротворению страны». Отнюдь не возражая против проектируемой уголовной ответственности за стачки железнодорожников, автор (или авторы) «Записки» считал необходимым для ослабления впечатления от репрессивного характера подобных правительственных мер разрешение параллельно с ними в законодательном порядке, наряду с экономическими уступками, деятельности профессиональных организаций железнодорожников сугубо экономического характера, а также арбитража.¹⁷ При этом явно учитывалось, что в Со-

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 62, л. 85, 135а.

¹⁷ Там же, д. 61, л. 14—22.

вет Министров внесены составленные в Министерствах юстиции и торговли и промышленности проекты «Временных правил» о союзах и профессиональных организациях рабочих и он должен был в ближайшее время приступить к их рассмотрению.

К вышеуказанной «Записке» примыкал по своему характеру также представленный в день заседания Совета министров проект созданного в конце октября 1905 г. Министерства торговли и промышленности, который основывался на упоминавшихся уже проектах Министерства финансов (его Отдела промышленности) 1902—1905 гг. Этим проектом предлагалось отменить все прежние карательные антистачечные статьи как действовавших уголовных законов, так и нового Уголовного уложения. Исключение делалось лишь для подведомственных Министерству предприятий по водоснабжению, канализации и освещению населенных мест (это, как мы видели, было отчасти учтено в проекте Министерства юстиции): за участие в забастовках на таких предприятиях предусматривался арест от 3 до 6 месяцев, а в случае «принуждения» рабочих к стачкам — арест до 3 месяцев. С другой стороны, в проекте Министерства торговли и промышленности в определенной степени были учтены пожелания промышленников: специальный пункт предусматривал дополнение одной из статей (105) Устава о промышленности положением, разрешающим промышленникам и их администрации немедленно расторгать в случае прекращения рабочими работ на заводах и фабриках договор с этими рабочими, при этом совершенно определенно подразумевались забастовки.¹⁸

Заседание Совета министров открылось в пятницу 11 ноября, в 8 час. 30 мин. вечера в столовой казенной квартиры Витте на Дворцовой набережной, 30. О ходе этого заседания и принятых на нем решениях мы можем судить по «Мемории», которая была составлена и отпечатана под руководством Нольде уже к воскресенью 20 ноября и в последующие два дня в срочном порядке согласована со всеми участниками заседания. К сожалению, «Мемории» Совета министров содержат лишь суммарное, весьма обобщенное изложение рассмотрения выносимых на обсуждение правительства вопросов, включая последующую (уже после заседания Совета министров и до представления «Меморий» и всех других документов на одобрение царя) их проработку: каких-либо протокольных записей не сохранилось (имеются лишь отрывочные, черновые заметки Нольде).

В заседании, кроме министров, приняли участие приглашенные в качестве экспертов члены Государственного совета Таганцев, Фриш и Д. Ф. Кобеко (директор Публичной библиотеки в Петербурге). Как отмечалось в «Мемории», Совет министров рассмотрел поставленный Витте вопрос о том, «какие меры следует в настоящее время принять, чтобы предупредить повторение таких забастовок, которые в текущем году охватили почти всю

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 543, д. 1261, л. 90—91.

Россию». Вводная часть «Мемории» в значительной мере воспроизводила основные положения упоминавшейся уже объяснительной записки Министерства юстиции. В частности, констатировалось, что стачки экономического характера, как доказывает опыт всех стран, «не поддаются подавлению и пресечению мерами уголовного воздействия», и в связи с этим упоминалось о приостановлении с августа 1905 г. действия статей 1358 и 1358¹ Уложения о наказаниях до их пересмотра. Вместе с тем подчеркивалось, что «под действие этих статей происходящие у нас забастовки подведены быть не могут, так как, с одной стороны, они имеют более политический, чем экономический характер, а с другой — возникают не на одних фабриках и заводах, но и в других самых разнообразных предприятиях и учреждениях».¹⁹ Обращает на себя внимание, что в мемории не упоминалась еще одна приостановленная действием уголовная статья (51⁴ Устава о наказаниях), вероятно, потому, что она непосредственно не относилась к стачкам, и сделано это было скорее всего непреднамеренно, но, как мы увидим, это обстоятельство сыграет роковую для этой статьи роль.

В «Мемории» отмечалась особая опасность политических стачек, когда они распространяются на обширные работы и захватывают «предприятия первостепенной государственной или общественной важности, например: железные дороги, телеграф, телефон общего пользования, арсеналы и тому подобные учреждения», и подчеркивалось, что «в случаях подобного рода в высшей степени желательно самое энергичное воздействие со стороны правительства». При этом вполне определенно говорилось о недостаточности только удовлетворения экономических требований забастовщиков, которые к тому же потребуют значительных денежных расходов, «меры же воздействия против указанного рода стачек, ввиду опасного характера последних, *должны быть приняты немедленно и притом быть запретительного, карательного свойства*».²⁰ Признавая преступными и подлежащими уголовному преследованию все политические забастовки и всех их участников, Совет министров счел, однако, с учетом, видимо, мнения Таганцева, что «общий вопрос о подобного рода стачках осторожнее подвергнуть всестороннему рассмотрению в законодательном порядке одновременно с представлением Министерства торговли об изменении и дополнении действующих правил о стачках», ограничившись в данный момент «немедленным изданием временных правил, направленных против лиц, наиболее содействующих возникновению и распространению забастовок в предприятиях общегосударственной важности, а равно против тех, кто во время забастовок проявил наиболее злой воли».²¹

Положив в основу нового закона проект карательных правил, выработанных в Министерстве юстиции (законодательные предпо-

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 62, л. 114.

²⁰ Там же. Курсив мой. — С. Н.

²¹ Там же, л. 115.

ложения Министерства торговли и промышленности практически полностью игнорировались), Совет министров постарался согласовать их с действующими статьями прежде всего Уложения о наказаниях и лишь отчасти Уголовного уложения 1903 г. Специально было подчеркнуто, что правила эти «касаются забастовок только в предприятиях особого для государства и общества значения, причем в проекте перечислены некоторые из них лишь в виде примера, так как нет возможности предусмотреть заранее все те учреждения и организации, которые должны быть подвешены под вышеуказанное общее понятие».²² Чрезвычайно важное это заключение Совета министров, нашедшее свое отражение и в самом указе 2 декабря 1905 г., впоследствии будет самым широким и произвольным образом трактоваться при преследовании тех или иных забастовок, включая даже экономические, поскольку запрет на вышеуказанные забастовки носил всеобъемлющий характер.

Совет министров, отмечалось далее в «Мемории», счел необходимым выделить отдельными статьями уголовную ответственность подстрекателей и учинивших насильственные действия против других рабочих и с имуществом предприятий, а также лиц, состоящих на государственной службе; последние независимо от уголовного преследования могли судом удаляться со своих должностей. Совет министров также поддержал предложенные Витте правила вознаграждения «жертв забастовок», ограничив их число — в интересах государственного казначейства — только работающими в правительственных учреждениях (телеграф, телефон) и на железных дорогах, казенных и частных.

В «Мемории» признавалось, что издание выработанного указа «может вызвать сильное раздражение среди лиц, которых оно касается». «В предупреждение сего» Совет министров предполагал одновременно с публикацией указа огласить в печати два правительственных сообщения, которые и были подготовлены сразу же после заседания 11 ноября. Первое сообщение касалось вышеуказанных мер по улучшению положения железнодорожников, на что правительством было одобрено выделение 16.1 млн. руб. (первоначально намечалось 20 млн. руб.).²³ Второе содержало информацию о разрабатываемых Советом министров правилах, разрешающих деятельность различных обществ и союзов. «Особое внимание, — отмечалось в сообщении, — обращено на удовлетворение замечаемого ныне широкого движения среди рабочего населения к образованию профессиональных союзов, преследующих цели защиты экономических интересов и улучшения условий труда. В этих видах министром торговли и промышленности предположено издать нормальный устав таковых обществ,

²² Там же. Курсив мой. — С. П.

²³ Там же, л. 91—92; Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905—1907 гг. М., 1982, с. 88.

составленный применительно к началам вышеупомянутых правил». ²⁴

Одновременно с составлением «Мемории» и двух правительственных сообщений интенсивно велась доработка текста самого указа в соответствии с рекомендациями Совета министров и, как отмечалось в первоначальном, пространном проекте всеподданнейшей записки Витте, — «в ежедневных почти совещаниях между председателем и членами Совета (министров, — *С. II.*), при самом энергичном содействии наших лучших криминалистов — Э. В. Фриша и Н. С. Таганцева». ²⁵ В проекте указа, подготовленном Министерством юстиции, была опущена первая статья, предусматривавшая уголовную ответственность всех участников забастовок в вышеуказанных категориях предприятий, зато добавлены две новые статьи (3 и 5), устанавливающие наказание тюремным заключением сроком от 4 мес. до 1 года 4 мес. для виновных в умышленном повреждении имущества предприятий или в принуждении служащих и рабочих «к прекращению, приостановлению или невозобновлению работ» — в точном соответствии с аналогичными действующими статьями 1358² и 1358³ Уложения о наказаниях. Такой же предельный срок (1 год 4 мес.) тюремного заключения был определен и в других статьях указа (за исключением ст. 6 об участниках сообществ, где этот срок был, наоборот, минимальным). Всего в указе теперь было 8 статей, и они составили его первый раздел, а вторым разделом стали правила (их тоже было 8) о вознаграждении «жертв» забастовок. В первоначальном проекте указа речь шла только о служащих, в отредактированный были внесены по личному указанию Витте ²⁶ и рабочие.

Витте всячески форсировал принятие антистачечного закона. Он попытался утвердить указ (с учетом, что им предусматривались «Временные правила») сразу царем, минуя Государственный совет, явно опасаясь критики там в адрес возглавляемого им правительства и возможных существенных изменений в законе. В уже упомянутом проекте всеподданнейшей записки Витте писал: «Повторяющиеся общие забастовки болезненно действуют на истомленное ими общество, и каждый лишний день ожидания закона против них вызывает новые упреки правительству Вашего величества в недостатке энергии. Дозвольте выразить мое глубокое убеждение, что новый временный закон следует принять *en bloc* (в совокупности, — *С. II.*) или вовсе его не принимать, настолько он сообразен с практическими условиями данной минуты. Поэтому и пользы от рассмотрения его Государственным советом ожидать не могу, а связанную с ним даже небольшую задержку позволяю себе считать вредною для дела». ²⁷

²⁴ Там же, л. 93.

²⁵ Там же, л. 106.

²⁶ На полях одного из экземпляров проекта указа Министерства юстиции против одной из его статей (4) имеется помета Витте: «а по найму?» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 86, л. 9).

²⁷ Там же, д. 62, л. 106—107.

Действительно, оснований для беспокойства в эти ноябрьские дни у царского премьера было более чем достаточно. Стачечное движение, хотя и в меньших, чем в октябре, масштабах, массовые крестьянские выступления, восстания в армии и на флоте продолжали сотрясать самодержавный режим, а достаточных сил для их решительного подавления у правительства все еще не было. Начавшаяся 15 ноября Всероссийская забастовка почтово-телеграфных служащих, новые железнодорожные стачки вновь нарушили связь правительственных учреждений с местными органами власти, что также мешало борьбе с революцией, расстраивало и без того расшатанный государственный механизм. Из буржуазно-помещичьих кругов в адрес правительства и лично Витте слышались упреки в бездействии и требования решительных мер в борьбе с революцией и ее главной силой — рабочим классом. Предпринимательская буржуазия, слегка фрондировавшая с режимом в начале революции, предъявлявшая определенные претензии на раздел с помещиками политической власти в стране и порой заигрывавшая с рабочими, теперь все больше ищет поддержки царизма, требует от власти подавления стачечного рабочего движения силой оружия и с помощью судебного преследования на основе действовавших уголовных законов. Такие требования, в частности, содержались в записке Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности (вскоре оно будет преобразовано в Общество заводчиков и фабрикантов) от 23 ноября 1905 г., адресованной Министерству юстиции, в неоднократных обращениях к правительству в ноябре-декабре 1905 г. Московского биржевого комитета, южных горнопромышленников, рижских фабрикантов и других предпринимательских организаций.²⁸

Но для Витте, конечно, особенно неприятно было острое недовольство, исходящее из придворных кругов, от самого Николая II, в глубине души ненавидевшего своего премьера, что делало его положение весьма шатким. Это Витте особенно явно почувствовал, когда по личному распоряжению царя и под его председательством в Царском Селе 18 ноября состоялось заседание Совета министров²⁹ с участием ряда специально приглашенных членов Государственного совета, на котором острой критике было подвергнуто Министерство юстиции и его судебные органы за недостаточную активность в преследовании забастовщиков и революционеров. По свидетельству Витте, это заседание было инспирировано Треповым,³⁰ который теперь явно отыгрался за свою

²⁸ См.: Шатилова Т. Буржуазия в борьбе с забастовками в конце 1905 года. — Красная летопись, 1925, № 4, с. 136—147.

²⁹ Первоначально на 18 ноября было назначено очередное заседание Совета Министров с обсуждением вопроса о порядке выборов в Государственную думу, однако 17 ноября от министра двора В. Б. Фредерикса поступило царское распоряжение с вызовом министров на следующий день к 14.30 в Царское Село (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 191, л. 11—15).

³⁰ Витте, говоря в своих воспоминаниях об этом заседании, после которого ему «было уже ясно, что государь решил Манухина сплавить и что

недавнюю неудачную попытку воспрепятствовать приостановлению действия уголовных антизабастовочных статей. Теперь же, после явно выраженного ему на заседании 18 ноября недоверия со стороны царя, Манухин вскоре вынужден был подать в отставку и был заменен откровенным реакционером М. Г. Акимовым.

Однако в расчетах Витте провести антистачечный закон, минув Государственный совет, сразу произошла осечка. Когда ко вторнику 22 ноября все основные документы (пространная всеподданнейшая записка Витте, «Мемория», проект указа, оба правительственных сообщения) были готовы для подачи царю, от последнего поступило указание (в письме на имя председателя Государственного совета Д. М. Сольского) об обязательном прохождении всех решений Совета министров перед их высочайшим утверждением через Государственный совет, правда, при необходимости в срочном порядке, причем Николаем II, как отмечает в своем дневнике Половцов, «высказывается мысль, что таким путем дела получают законный и твердый ход»³¹ — очередное выражение царского недоверия к Витте. В связи с этим 24 ноября была подготовлена новая, более краткая всеподданнейшая записка, в которой «на монаршее благоволение» представлялись мемория Совета министров, проект указа правительствующему Сенату — «о мерах, вызываемых нынешними политическими забастовками», а также два вышеуказанных правительственных сообщения, и в заключение выражалось ходатайство о скорейшем рассмотрении этого дела Государственным советом. Все эти материалы были доложены на следующий день, 25 ноября, в Царском Селе Николаю II и получили его одобрение.³² Царем было сделано лишь одно, но весьма существенное и характерное замечание. На проекте правительственного сообщения о предполагаемом разрешении деятельности обществ и союзов имеется пометка царя: «а явно преступные?», и рядом уже рукой Витте: «нужно это оговорить».³³

В тот же день, 25 ноября, «Мемория» Совета министров, всеподданнейшая записка Витте с резолюцией царя и проект указа о забастовках были направлены государственному секретарю Ю. А. Икскуль-Гильденбрандту и тогда же, видимо, было согласовано рассмотрение этого вопроса в Государственном совете в понедельник 28 ноября. С текстами правительственных сообще-

в значительной степени это решение было основано на наущничестве генерала Трепова» (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 184), датирует его ошибочно (а вслед за ним и Н. Г. Королева — см.: Первая российская революция..., с. 104) — 9 ноября 1905 г. Эта существенная неточность выявляется не только из дневниковых записей принимавшего участие 18 ноября в заседании Совета министров А. А. Половцова (Красный архив, 1923, т. 4, с. 86—88), но и из черновых заметок с этого заседания Э. Ю. Нольде (ЦГИА СССР, ф. 727, оп. 2, д. 48, л. 21—29).

³¹ Красный архив, с. 88 (запись 22 ноября 1905 г.).

³² На всеподданнейшей записке — царская резолюция: «Да, немедленно» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 62, л. 108).

³³ Там же, л. 112.

ний 25 ноября был ознакомлен Сольский, но они тут же были взяты у него обратно для внесения исправлений по замечанию Николая II.³⁴ И поскольку дело было неотложное, Витте в воскресенье, 27 ноября, вновь посещает царя в царскосельском Александровском дворце с новой всеподданнейшей запиской (от 26 ноября), в которой сообщалось, что в разрабатываемых Советом министров правилах образования обществ и союзов предусмотрен пункт, «согласно коему общества, преследующие цели, противные правствственности или предусмотренные уголовным законом, воспрещаются». Этот пункт был внесен и в новый текст правительственного сообщения, которое царь на этот раз разрешил опубликовать.³⁵

В понедельник, 28 ноября, в час пополудни, в Мариинском дворце под председательством Сольского состоялось чрезвычайное общее собрание Государственного совета с участием 83 его членов, рассмотревшее представленный правительством проект нового антизабастовочного закона. На заседании была заслушана «Мемория» Совета министров. Как Витте и ожидал, заседание Государственного совета, в старом, нереформированном еще составе которого преобладали крайние консерваторы, было отмечено резкими нападками на правительство, которое не может подавить революционное движение, всеобщие политические стачки в октябре-ноябре. По мнению этих консервативных членов Государственного совета, «администрация не воспользовалась находившимися в ее распоряжении способами воздействия на руководителей забастовки, несмотря на то что эти последние были известны и даже не скрывались вовсе, а вели свою преступную деятельность совершенно открыто. Поэтому с изданием предначертанного законопроекта правительство не станет более сильным в борьбе с предпринимаемыми с политическими целями забастовками». Рассматривая политические забастовки «как одно из проявлений того общего революционного движения, которое поставило себе целью не обновление государства на основах правопорядка, а низвержение всего существующего государственного и общественного строя», консервативное большинство Государственного совета делало совершенно недвусмысленное заключение: «Дать отпор революционному натиску возможно не путем изменения действующих уголовных законов, а путем правительственных мероприятий совершенно иного порядка».³⁶

Витте, конечно, прекрасно понял, какие мероприятия имелись в виду в выступлениях членов Государственного совета и по крайней мере на словах солидаризировался с ними, заявив, что «уголовная репрессия бессильна бороться с активной деятельностью противоправительственных партий, если одновременно с применением карательного закона не будут применены меры

³⁴ Там же, л. 123—128.

³⁵ Там же, л. 120.

³⁶ Журнал заседания Государственного совета 28 ноября 1905 г. — ЦГИА СССР. ф. 1276. оп. 1, д. 62, л. 139.

административного, а в крайних случаях и вооруженного воздействия». Что же касается обсуждаемого законопроекта, то он, говорил Витте, должен заполнить пробел в русском уголовном законодательстве, не знавшем политических забастовок.³⁷

Согласившись с этим доводом, Государственный совет внес в текст правительственного проекта указа, помимо отдельных редакционных поправок, ряд существенных дополнений. В частности, I раздел указа был дополнен новой (9-й) статьей, устанавливающей правило, согласно которому участникам забастовок, предусмотренных указом, не производилась оплата за время прекращения работ. Государственный совет при этом, конечно, имел в виду прежде всего казенных чиновников, но принцип неоплаты забастовочного времени, как известно, активно отстаивали промышленники, добивавшиеся соответствующих дополнений Устава о промышленности. Наконец Государственный совет, со ссылкой на имевшееся в «Мемории» Совета министров упоминание о неприменении ст. 1358 и 1358¹ Уложения о наказаниях, «счел соответственным отменить действие упомянутых статей Уложения о наказаниях, оговорив, однако, о сохранении в силе прочих о стачках постановлений сего Уложения».³⁸ Последнее решение было достаточно неожиданным, а внесенное в указ соответствующее дополнение, составившее его самостоятельный второй раздел, резко контрастировало с основным смыслом всего этого сугубо карательного, антирабочего документа. Но таковы были нередкие парадоксы государственного механизма самодержавной власти и принимаемых ею решений и законодательных актов.

В окончательном виде, с учетом всех исправлений и дополнений, указ содержал преамбулу и три раздела. В преамбуле, после констатации, что «самовольное, по взаимному соглашению, прекращение работ и занятий в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, представляет существенную опасность для спокойствия и порядка», и признания необходимости «установить правила о наказуемости наиболее опасных проявлений участия в забастовках», говорилось: «...выработанные по указанным предметам Советом министров правила, по рассмотрении их в Государственном совете, признали мы за благо ввести в действие впредь до издания общего о стачках закона». Далее следовал первый раздел, содержащий 9 статей, охарактеризованных выше и предусматривавших уголовную ответственность и меру наказания за участие в забастовках «служащих или рабочих па железной дороге, казенной или частной, или на телефоне общего пользования, кроме правительственного, или вообще в таком предприятии, прекращение или приостановление деятельности коего угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия». После краткого второго раздела об отмене статей 1358 и 1358¹ Уложения о наказаниях уголовных

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 140.

и исправительных следовал заключительный третий раздел, содержащий 8 вышеупомянутых правил вознаграждения «жертв» забастовок. В таком виде указ был представлен Николаю II и подписан им в Царском Селе 2 ноября 1905 г., а на следующий день опубликован в Собрании узаконений и распоряжений правительства.³⁹ Одновременно с указом в «Правительственном вестнике» и других газетах 3 декабря было напечатано правительственное сообщение о выделении казенных субсидий железнодорожникам, однако другое сообщение — о союзах — в последний момент по личному указанию Витте было снято с публикации,⁴⁰ очевидно, в связи с арестом Петербургского Совета рабочих депутатов и репрессиями против других демократических организаций, опубликовавших накануне, 2 декабря, антисамодеятельный «Финансовый манифест».

В условиях развернувшегося с конца ноября 1905 г. широкого наступления царизма на революцию попытки Министерства торговли и промышленности провести свой законопроект о стачках, и в частности отменить «потерявшуюся» ст. 51⁴ Устава о наказаниях, окончились неудачей; под нажимом Министерства внутренних дел и после обсуждения в Государственном совете был решаемым образом изучен и либеральный проект Министерства торговли и промышленности о профсоюзах. В конечном счете постоянные законы о стачках и профсоюзах так и не были выработаны в царской России. Зато основные карательные статьи указа 2 декабря 1905 г.⁴¹ уже в марте-апреле 1906 г. были распространены на судоходство, суровым репрессиям подлежали и участники стачек сельскохозяйственных рабочих. Этот откровенно антирабочий курс получил свое логическое завершение в сенатском разъяснении от 30 ноября 1910 г., согласно которому, действию указа 2 декабря 1905 г. подлежали уже все предприятия, выполняющие заказы военного ведомства,⁴² а их было в этот период очень много, причем наиболее крупные. Следует заметить, что на практике власти, как и раньше, предпочитали хлопотным судебным преследованиям участников стачечного движения использование механизма Положений об усиленной и чрезвычайной охране, которые в конечном итоге не только не были отменены, но, будучи распространенными на все главные промышленные губернии, по-прежнему оставались в руках царизма сильнейшим орудием борьбы с рабочим классом.

Все это свидетельствовало об отсутствии в России действительной свободы стачек, что, впрочем, не смогло воспрепятствовать мощному подъему рабочего движения накануне и в годы первой мировой войны, сыгравшего решающую роль в свержении царизма и победе социалистической революции в 1917 г.

³⁹ № 233, 3 декабря 1905 г., раздел первый, с. 3187—3190.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 62, л. 121.

⁴¹ Они вошли в состав Уложения о наказаниях... (по продолжению 1906 г.) под номером 1359³⁻⁸.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 1047, л. 17—18.